

О ПОЯВЛЕНИИ ПЕРВЫХ КРЕЩЕНЫХ КАЛМЫКОВ В МОСКВЕ В СЕРЕДИНЕ XVII в.

В истории христианизации калмыков есть еще немало «белых пятен», особенно в ее начальном периоде. Итоги исследований, где в той или иной мере затрагивалась эта тема¹, требуют переосмысления с учетом нового фактического материала.

Освещение этих сюжетов большинство исследователей начинали с XVII в. и почти не затрагивали предшествующее столетие, что можно объяснить недостаточной разработанностью источников базы. Цель настоящей статьи – на основе вновь выявленных архивных материалов осветить некоторые эпизоды обращения в христианство калмыков, волею судьбы оказавшихся в Москве в середине XVII в.

На рубеже XVI–XVII вв. прошла новая волна перемещения на запад кочевников из Центральной Азии, где главными участниками выступали ойраты (калмыки). Столкнувшись с оборонительной линией Московского государства на сибирском направлении, калмыки достигли больших успехов при продвижении в юго-западном направлении – в степи Эмбо-Яицкого и Волжского бассейнов, где находился крупнейший торговый и опорный пункт русских в Северном Прикаспии – Астрахань. В течение 30–50 гг. XVII в. калмыки начали активно осваивать степные пространства Нижнего Поволжья, входя в соприкосновение с Донским и Яицким казачьими войсками, народами Северного Кавказа и Причерноморья, русским и украинским населением юга России. Частые стычки калмыков с русскими и попадание друг к другу в плен послужили для калмыков первым «поворотом» ознакомиться с христианским учением².

С началом Русско-польской войны 1654–1667 гг. в правительстве царя Алексея Михайловича возникла идея привлечь военные силы калмыков для борьбы с Крымским ханством, которое выступило в союзе с Речью Посполитой против Московского государства. В результате этого были достигнуты военно-политические соглашения между Москвой и калмыцкими тайшами (князьями), оформленные в «шерти» (договора) в 1655, 1657 и 1661 гг. Соглашение с Москвой создавало калмыкам более благоприятные социально-экономические условия, решало территориальный вопрос их пребывания в степях Северного Прикаспия и обеспечивало относительную безопасность кочевий от нападений соседей. «Шерти» большей частью носили характер военных договоров, и вспомогательное калмыцкое войско уже участвовало совместно с русскими и украинскими вооруженными силами в военных действиях против Крыма и Польши. Правительство Алексея Михайловича назначило тайшам денежные годо-

вые жалованья и, начиная с 1658 г., регулярно их выплачивало. В 1664 г. Мончак получил от правительства знамя, булаву и другие атрибуты, символизировавшие признание его заслуг. Военная служба, по сути, стала формой вассальных обязательств калмыков перед Россией.

Именно тогда частыми гостями в Москве стали калмыцкие послы. Это не могло не найти отражение в архивных документах. В фонде «Калмыцкие дела» в РГАДА за эти годы нам удалось обнаружить ранее неизвестные сведения о проживании в Москве первых крещеных калмыков.

В мае 1658 г. в российскую столицу прибыло калмыцкое посольство, состоящее из шести человек во главе с Кушучи-дарханом. Обсудив на переговорах с Алексеем Михайловичем основные вопросы отношений между русскими и калмыками, старший посол Кушучи-дархан решил воспользоваться подходящим случаем и обратиться к царю с личной просьбой. Посол имел сведения: его мать Коранай (или Харнаца) живет в Москве и «скитаетца меж двор и кормитца христовым именем». Сын просил вернуть ему мать с младшим братом, родившимся уже в русском плену. В результате расследования, проведенного Посольским приказом по указу царя, выяснилось, что мать Кушучи действительно с сыном Меркушем жила в Москве и зарабатывала на жизнь портным делом. В Вознесеновском монастыре она приняла крещение под именем Екатерины³.

История появления первых крещеных калмыков в Москве связана с событиями 1644 г. В Самару воеводой в 1643 г., еще при Михаиле Федоровиче, был назначен стольник Лев Афанасьевич Плещеев (служил воеводой до 1644 г., умер в 1645 г.). Главной задачей, поставленной перед ним московским правительством, была организация похода против калмыков. Те наводнили окрестности Самары, результатом стали многочисленные вооруженные стычки. Летом 1644 г. из Москвы пришел указ царя Михаила Федоровича о выступлении с отрядом в поход против калмыцких улусов.

В «Житии Преподобного Сергия Радонежского» (в авторстве Епифания Премудрого) описывается эпизод, случившийся с воеводой Плещеевым накануне сражения: «3 июля, когда наступила ночь, он, помолясь перед образом Живоначальной Троицы и великого чудотворца Сергия, задремал и уснул тонким сном. И явился ему великий чудотворец Сергий и сказал: “Не сомневайся, иди, победишь неверных”, а потом благословил его крестом и стал невидим. Встав поутру, Лев Афанасьевич рассказал о видении многим людям и, пойдя на калмыков, разбил их, захватил обозы, взял много пленных, множество верблюдов оружие и военную сбрую. И вернулся в Московское государство с великой радостью, благодаря Бога и Преподобного чудотворца Сергия». 28 июля Плещеев докладывал царю о разгроме его отрядом калмыков в верховьях реки Яик и захвате в плен 480-ти человек. Наибольшие потери понес тайша Даян-Эрке, поскольку люди Плещеева захватили калмыцких женщин и детей, в основном, именно из его улуса⁴.

Тогда же в результате разгрома отрядом воеводы Плещеева улуса тайши Даян-Эрке в русском плену среди других оказалась и мать калмыцкого посла. Калмыки, как правило, знали примерное местонахождение своих пленных родственников вплоть до уезда, волости и конкретного лица, у которого они находились. Практически половина всего «калмыцкого полона», захваченного отрядом Плещеева летом 1644 г., была отправлена в Москву⁵.

Другая история, связанная с судьбой калмыцких пленников, произошла во время приезда калмыцкого посольства в Москву летом 1661 г. Один из калмыцких посланников во время прогулки в сопровождении русского толмача по Красной площади случайно встретил калмыцкую женщину, в прошлом также захваченную в плен. Звали ее Аргасына. По стечению обстоятельств она оказалась родной племянницей главного калмыцкого посла Зайсан-дархана. В русский плен попала еще девочкой 17 лет назад, в 1644 г., во время военной экспедиции против калмыков воеводы Плещеева. Калмычка в качестве трофея оказалась у шотландского полковника, состоявшего на русской службе, Александра Краферта⁶, который и привез ее в Москву, окрестил в «немецкую веру» (протестантство) под именем Сусанна. Позже полковник погиб на Русско-польской войне, а семья погибшего предоставила свободу калмыцкой женщине, которая смогла затем даже устроить свою личную жизнь, выйдя замуж за местного татарина. Несмотря на это, Аргасына пожелала вернуться в калмыцкие улусы, где были еще живы ее родители⁷. Какова была реакция царской власти на просьбы послов, как сложилась дальнейшая судьба этих крещеных калмыков, документы умалчивают.

К началу 1660-х гг. одним из неурегулированных вопросов в русско-kalмыцких отношениях оставалась процедура обмена пленными. Согласно заключенным «шертям» от 8 июня и 9 декабря 1661 г., калмыцкие тайши обязывались вернуть из всех калмыцких улусов русских пленных, захваченных во время набегов на приграничные земли Московского государства или в ходе военных походов против Крымского ханства. Так, в шерти от 8 июня 1661 г. обязанностью калмыцких тайшей было прямо указано: «А русских людей полонянников, что в крымских улусах добудем, и тех русских людей объявлять, и отдавать великого государя отчине в Астрахани, или в которые города ближе»⁸.

Правительство Алексея Михайловича, заинтересованное в привлечении воинских сил калмыков к участию в войне против Речи Посполитой и Крымского ханства, старалось как можно скорее урегулировать все вопросы, возникавшие в ходе русско-калмыцких переговоров. Возвращение калмыков, попавших в плен к русским в разные годы и находившихся в городах, стало одним из главных обязательств правительства и неизменным требованием калмыков. Так, в 1665 г. в письме к боярину Григорию

Сунчалеевичу Черкасскому, ведавшему в правительстве «калмыцкие дела», тайша Мончак настаивал: «Которые есть на Москве и в городах мои люди, и тех сыщи и ко мне пришли; а я государевых людей взятых отпускаю, то тебе я правду делаю и всего добра тебе много делаю, тебе то ведомо, и впредь добро думаю»⁹.

При встрече с калмыцкими послами царь Алексей Михайлович указывал Посольскому приказу брать у них поименный список калмыцких «полонянников», содержащихся в русских городах, срочно их разыскивать и возвращать. Но это было делом непростым: большинство пленных калмыков, проживавших в Москве и других городах, уже было обращено в христианскую веру. Царский указ о возврате всех калмыцких пленников не относился к крещеным калмыкам. Калмыцкие посы знали о существовании этого указа и поэтому добивались от московских властей позволения лично встретиться с каждым из новокрещеных калмыков, чтобы убедиться в добровольности принятия ими новой веры¹⁰.

Политика правительства Алексея Михайловича по христианизации калмыков не предполагала возможности их обратного возвращения в калмыцкие улусы, поскольку в таком случае они, оказавшись снова среди сородичей, как правило, возвращались к прежней вере. Поэтому с конца XVII по XVIII вв. российские власти организовывали отдельные от остальной части калмыцкого народа поселения крещенных калмыков (например, группы чугуевских и ставропольских калмыков).

Мотивы принятия калмыками крещения в Москве были разными. И не обязательно крещение являлось итогом насилиственных действий. Исследуя это явление, архимандрит Гурий отмечал, что православие часто стали прежде всего принимать те пленные калмыки, которые попадали в русские благочестивые семьи. По его оценке, такое обращение было прочно, ибо новокрещеный тотчас же приступал к «усвоению всех тех благочестивых навыков», которыми жила воспринявшая его русская «благочестивая семья»¹¹.

Показательна история молодого крещеного калмыка Кукнака (в крещении Михаила). В феврале 1665 г. приехавшие в Москву калмыцкие послы во главе с Каичю имели возможность лично его расспросить о мотивах принятия православия. Выяснилось, что во время одного из крымских походов калмыков Кукнак в бою был сбит с лошади и, упав в яму, потерял сознание. Когда очнулся, его товарищи погнали крымцев дальше, а он остался в степи один. Там его и подобрали запорожцы, а затем привезли в Москву. Отсюда он попытался в 1664 г. уехать домой вместе с калмыцким послом Кантак-Кошуучи, но тот, пообещав замолвить за него слово в Посольском приказе, обещания своего не выполнил и уехал без него. С досады Кукнак после этого принял крещение и, показав послам свой нательный крест, отказался возвращаться домой. Это вызвало бурю негодования

со стороны калмыков, и они прогнали от себя Кукнака. Выражая свое недовольство, главный посол заявил царским представителям, что тайша Мончак со своей стороны также будет обращать в «калмыцкую веру» (буддизм) русских людей, освобожденных из крымского плена, и оставлять их в улусах. Посол вполне резонно ставил вопрос о дальнейшей судьбе калмыков, воюющих за русского царя. По его мнению, если бы царские власти крестили 10 тыс. калмыков, то Мончак государю «и быть челом не стал»¹².

Однако христианизация калмыков уже стала для Москвы целенаправленной политикой, которая продолжалась в течение всего XVII в. Именно это мешало развитию русско-калмыцких отношений, особенно в условиях продолжающейся Русско-польской войны, когда Московское государство нуждалось в объединении военных сил с калмыцкими тайшами против Крымского ханства.

К середине 1660-х гг. в Москве впервые появились крещеные калмыки из числа калмыцкой знати. Их появление было связано с внутриполитической обстановкой в калмыцких улусах, когда в начале 1660-х гг. в правящем доме волжских калмыков вспыхнула борьба за власть между тремя основными претендентами – старшим тайшем Дайчином, его сыном Мончаком и внуком Манжи-Ялбо (сыном покойного тайши Даян-Эрке). Если имя Манжи-Ялбо в «шерти» 1657 г. фигурировало наравне с его дядей Мончаком, то в июньской «шерти» 1661 г. имени Мончака и Дайчина, как главных ее гарантов с калмыцкой стороны, упоминаются уже без молодого тайши. Из русских документов также известно, что в 1662 г. Мончак захватил в плен племянника Манжи-Ялбо, а его улус присоединил к себе¹³.

С целью изолировать и полностью вывести племянника из борьбы за власть, Мончак решил избавиться от главного соперника не путем физического истребления, а посредством передачи под арест в Астрахань. При встрече Мончак договорился с астраханским воеводой Черкасским, «чтоб ево Ялбу без ево Мончакова ведома никому не отдавать». Воевода позаботился о надежной охране молодого тайши в Астрахани и приказал своим людям с осторожностью относиться к знатному калмыцкому пленнику, в отношении которого «держали честь и ласку, и привет, и береженье большое»¹⁴. Так в результате кратковременной борьбы закончился относительно бескровный переход власти в правящей семье калмыцких тайшей. Мончак, который был только третьим по старшинству сыном Дайчина, благодаря расчетливым политическим действиям, сумел закрепить за собой первенствующее положение и обеспечить условия для будущего прихода к власти своего старшего сына Аюки.

О дальнейшей судьбе Манжи-Ялбо известно из путевых записок путешественника Николаса Витсена, прибывшего в Москву в составе гол-

ландского посольства. Молодого тайшу перевезли из Астрахани в Москву. В начале 1665 г. под видом купца Витсен проник в охраняемый стрельцами двор, где содержался Манжи-Ялбо, именовавшийся голландцем Тайчжи Йалба Доис, и описал довольно интересную с ним встречу: «Здесь его держат как пленного; он же, говорят, предлагает царю все, что у него есть, за что будет пожалован титулом князя-царевича. Может быть, он примет русскую веру, иконы уже висят в его комнате, он уже умеет креститься, и тогда он станет русским придворным, подобно другим крещеным татарам князьям. Под его правой рукой висела на кожаном ремешке коробочка, где он хранил свиток своих молитв, который ежедневно вынимал, и, держа в руках прямо перед головой, стоя на коленях, 9 раз кланялся до земли... На мой вопрос о его вере он ответил, что молится Богу, который наверху; не знал он ни о Христе, ни о Магомете. У него были с собой странного вида четки, в виде мелких бусинок, по которым он отсчитывал молитвы Богу...»¹⁵

Витсен свидетельствовал, что царский врач-иностранный, посещавший пленника, часто заставал его за молитвой: сидя на полу, тот читал какие-то листки, похожие на игральные карты, и щелкал пальцами «назло дьяволу»¹⁶. По всей вероятности, Манжи-Ялбо, находясь в Москве, в конце концов принял православие и закончил свою жизнь на чужбине.

В калмыцкой истории это был первый подобный случай, когда калмыцкий тайша своими родственниками был насильно выдан царским властям и увезен в Москву. Но спустя несколько лет похожим образом развились события в деле другого представителя калмыцкой знати.

В начале 1670-х гг. к власти у волжских калмыков пришел тайша Аюка. При подавлении внутренней оппозиции он также прибег к подобному шагу, последовав примеру своего отца Мончака. На этот раз гонениям подверглась семья калмыцкого тайши Дугара, который вместе с сыном Цереном был препровожден в Астрахань под тем предлогом, что «они многие неправды пред Великим Государем делали». В 1672 г. Дугар умер, а его сын был препровожден в Москву. Там его крестили под именем Василий Дугаров, и царским указом ему был пожалован княжеский титул¹⁷.

Калмыцкий исследователь А.Г. Митиров на основе многочисленных архивных документов составил довольно полную картину. Оказалось, что В. Дугаров в 1676–1686 гг. был стольником при царе и проявил свою религиозность и преданность тем, что ночевал 1 мая 1682 г. у гроба царя Федора Алексеевича. Умер он в 1689 г. во время Крымского похода¹⁸.

С этого момента представители калмыцкой знати, решившие креститься, как правило, наделялись княжеским титулом¹⁹.

Таким образом, процесс христианизации, принятие в православие, проживавшей в Москве небольшой группы калмыков начался примерно с середины XVII в. и на первоначальном этапе носил во многом частный и случайный характер. К сожалению, нам неизвестны ни их общая численность, ни какие-то конкретные сведения об их дальнейшем пребывании в Москве. Можно предположить, что первые новообращенные калмыки через крещение входили в свободные группы русского населения, в обще-русскую православную среду.

По этой причине на переговорах, которые в 50–60-е гг. XVII в. велись в Москве между правительством царя и послами калмыцких тайшей возникла серьезная трудность, которая приобрела уже религиозный оттенок. Как свидетельствуют «шерти» 1673, 1677, 1683 и 1697 гг., московское правительство было заинтересовано в крещении и оседании калмыков в разных городах. Калмыцкий хан Аюка вынужден был признавать факты христианизации калмыков и считаться с ними²⁰. Религиозный вопрос, хотя и не был главным в русско-калмыцких переговорах, постоянно фигурировал как раздражитель, придавая напряженный характер отношениям в целом.

Примечания

¹ Гурий (Степанов). Очерки по истории распространения христианства среди монгольских народов. Т. 1. Кн. 2. Казань, 1915; Дорджиева Г.Ш. Буддизм и христианство в Калмыкии: Опыт анализа религиозной политики правительства Российской империи (середина XVII – начало XX в.). Элиста, 1995; Орлова К.В. История христианизации калмыков, середина XVII – начало XX в. М., 2006.

Gury (Stepanov). Ocherki po istorii rasprostraneniya khristianstva sredi mongolskikh narodov. Vol. 1. Boor 2. Kazan, 1915; Dordzhieva G.Sh. Buddizm i khristianstvo v Kalmykii: Opyt analiza religioznoy politiki pravitelstva Rossiskoy imperii (seredina XVII – nachalo XX v.). Elista, 1995; Orlova K.V. Istorya khristianizatsii kalmykov, seredina XVII – nachalo XX v. Moscow, 2006.

² Гурий (Степанов). Указ. соч. С. 51.

Gury (Stepanov). Op. cit. P. 51.

³ Российский государственный архив древних актов (РГАДА). Ф. 119. Оп. 1. 1658 г. Д. 2. Л. 78–82.

Russian State Archive of Ancient Acts (RGADA). F. 119. Op. 1. 1658 g. D. 2. L. 78–82.

⁴ Богоявленский С.К. Материалы по истории калмыков в первой половине XVII века // Исторические записки. Т. 5. М., 1939. С. 83; Кичиков М.Л. Образование Калмыцкого ханства. Элиста, 1994. С. 72.

Bogoyavlensky S.K. Materialy po istorii kalmykov v pervoy polovine XVII veka // Istoricheskie zapiski. Vol. 5. Moscow, 1939. P. 83; Kichikov M.L. Obrazovanie Kalmytskogo khanstva. Elista, 1994. P. 72.

⁵ РГАДА. Ф. 119. Оп. 1. 1644 г. Д. 2. Л. 62–64.

RGADA. F. 119. Op. 1. 1644 g. D. 2. L. 62–64.

⁶ Опарина Т.А. Полковник Александр Лесли и православие // Иноzemцы в России в XV–XVIII веках. М., 2006. С. 165.

Oparina T.A. Polkovnik Aleksandr Lesli i pravoslavie // Inozemtsy v Rossii v XV–XVIII vekakh. Moscow, 2006. P. 165.

⁷ РГАДА. Ф. 119. Оп. 1. 1661 г. Д. 2. Л. 45, 62.

RGADA. F. 119. Op. 1. 1661 g. D. 2. L. 45, 62.

⁸ Полное собрание законов Российской империи: Собрание 1-е (ПСЗРИ-1). Т. I. СПб., 1830. С. 531–532.

Polnoe sobranie zakonov Rossyskoy imperii: Sobranie 1-e (PSZRI-1). Vol. I. St. Petersburg, 1830. P. 531–532.

⁹ РГАДА. Ф. 119. Оп. 1. 1665 г. Д. 2. Л. 72–74.

RGADA. F. 119. Op. 1. 1665 g. D. 2. L. 72–74.

¹⁰ Там же. Л. 171.

Ibidem. L. 171.

¹¹ Гурий (Степанов). Указ. соч. С. 52.

Gury (Stepanov). Op. cit. P. 52.

¹² РГАДА. Ф. 119. Оп. 1. 1665 г. Д. 2. Л. 119, 135, 171–175.

RGADA. F. 119. Op. 1. 1665 g. D. 2. L. 119, 135, 171–175.

¹³ Бакунин В.М. Описание калмыцких народов, а особливо из них торгоутского, и поступков их ханов и владельцев. Элиста, 1995. С. 23.

Bakunin V.M. Opisanie kalmytskikh narodov, a osoblivo iz nikh torgoutskogo, i postupkov ikh khanov i vladel'tsev. Elista, 1995. P. 23.

¹⁴ РГАДА. Ф. 119. Оп. 1. 1665 г. Д. 2. Л. 93; 1663 г. Д. 1. Л. 7, 59, 81.

RGADA. F. 119. Op. 1. 1665 g. D. 2. L. 93; 1663 g. D. 1. L. 7, 59, 81.

¹⁵ Витсен Н. Путешествие в Москвию. СПб., 1996. С. 200.

Vitsen N. Puteshestvie v Moskoviyu. St. Petersburg, 1996. P. 200.

¹⁶ Витсен Н. Указ. соч. С. 167.

Vitsen N. Op. cit. P. 167.

¹⁷ Бакунин В.М. Указ. соч. С. 24.

Bakunin V.M. Op. cit. P. 24.

¹⁸ Митиров А.Г. Истоки. Элиста, 2002. С. 166.

Mitirov A.G. Istoki. Elista, 2002. P. 166.

¹⁹ Дорджиева Е.В. Конфессиональный вопрос в имперской политике по отношению к традиционной калмыцкой эlite в XVIII веке // Известия Самарского научного центра Российской академии наук. Т. 10. № 4. Самара, 2008. С. 976.

Dordzhieva E.V. Konfessionalnyy vopros v imperskoy politike po otnosheniyu k traditsionnoy kalmytskoy elite v XVIII veke // Izvestiya Samarskogo nauchnogo tsentra Rossyskoy akademii nauk. Vol. 10. No. 4. Samara, 2008. P. 976.

²⁰ Орлова К.В. Указ. соч. С. 42.

Orlova K.V. Op. cit. P. 42.